

Монадология истории

ВАДИМ
САЛИЕВ

Representation. The Birth of Historical Reality from the Death of the Past

FRANKLIN RUDOLF ANKERSMIT

New York: Columbia University Press, 2024. – 311 p.

Интерес голландского философа истории Франклина Рудольфа Анкерсмита к Лейбницу – хорошо известный факт: на протяжении всей своей более чем сорокалетней академической карьеры Анкерсмит проявлял устойчивое внимание к текстам последнего. Отечественный читатель мог найти прямые указания на философию Лейбница в переведенных работах – «Нарративной логике»¹, где функционирование «нарративных субстанций» прямо связывалось с тем, как устроены лейбницианские монады, или в «Истории и тропологии», где лейбницианский принцип предиката в субъекте² объявляется главной теоремой «логики исторической интерпретации»³, или позднее в «Возвышенном историческом опыте», где дифференциальное исчисление Лейбница связывалось с тем, как устроена рациональность историков⁴. В 2000-х обращение Анкерсмита к Лейбницу становится менее

- 1 Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-пресс, 2003. С. 200, 201.
- 2 В англоязычной традиции – принцип предиката в понятии (*predicate in notion principle*).
- 3 Он же. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 81.
- 4 Он же. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа, 2007. С. 247.

НОВЫЕ
КНИГИ

183

регулярным, и лишь относительно недавно – с начала 2010-х – этот интерес снова возвращается, что закономерно совпало с активным вниманием исследователей к лейбнизианским аспектам мысли самого Анкерсмита. В интервью, которое в 2016 году он дал эстонскому историку Мареку Тамму, Анкерсмит объявил о начале работы над обсуждаемой здесь книгой:

«Могу ли я добавить небольшую автобиографическую деталь? После завершения моей книги 2012 года⁵ я решил написать книгу, в которой бы углубленно разобрал лейбнизианские аспекты логики исторического письма. Это был проект, который я задумал давно»⁶.

Каков же итог предприятия, занявшего у автора более десяти лет активной работы? Книга состоит из введения, пяти глав, заключения, эпилога и крайне содержательного глоссария, позволяющего читателю не запутаться в системе основных концептов, принятых автором. На первый взгляд позиция Анкерсмита в «Репрезентации...» содержательно почти не изменилась со времен «Нарративной логики» (1983); не приходится говорить даже о более-менее серьезной смене точечных акцентов. Об этом пишет и сам автор в начале второй главы, заявляя, что новшеством данной книги является отнюдь не концепция исторического письма, а способ, которым она в данном случае отстаивается (р. 25). Однако именно это формальное новшество способствует превращению его философии истории из сборки относительно гетерогенных элементов в цельный – и во многом метафизический – проект. Анкерсмит и ранее рассматривался исследователями в самых разных дисциплинарных плоскостях – от привычной философии истории до философии языка, политической философии, эстетики. Теперь к этому списку можно отнести и метафизику.

Введение и первая глава затрагивают традиционную для Анкерсмита тему историзма как предшественника нарративизма (или, выражаясь в терминах рассматриваемой книги, репрезентативизма), а также вновь размечают ряд стандартных для него оппозиций в области философии истории. Это строгое различие, во-первых, прошлого и исторической реальности; во-вторых, исторического исследования и исторического письма (данное различие освещается во второй главе, однако представляется логичным упомянуть его тут); в-третьих, исторических репрезентаций и метапредложений об этих репрезентациях. Во всех случаях сами оппозиции не новы, од-

Вадим Салиев (р. 2002) – магистрант программы «История идей и интеллектуальной культуры» Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

- 5 См.: ANKERSMIT F.R. *Meaning, Truth and Reference in Historical Representation*. Ithaca: Cornell University Press, 2012.
- 6 ANKERSMIT F.R., ТАММ М. *Leibnizian Philosophy of History: A Conversation // Rethinking History*. 2016. Vol. 20. № 4. P. 499.

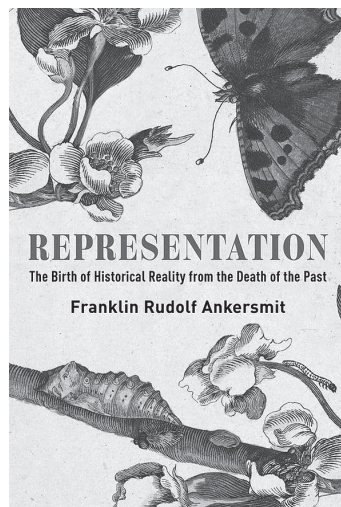
нако новыми являются авторы, которых Анкерсмит привлекает для их иллюстраций. Так, для указания на первую пару привлекается перспективализм немецкого богослова, философа и историка Иоганна Хлодениуса (1710–1759), согласно которому доступ к собственно прошлому опосредован «способом видения», конституируемым определенной точкой зрения. Хлодениус, что характерно, упомянут как непосредственный зачинатель традиции историзма (в прежних работах Анкерсмит настойчиво апеллировал к более поздним теоретикам романтизма и историзма – от Гердера до Гумбольдта, Дройзена, Ранке и Майнеке). Перспективализм в подобном изводе открывает путь к утверждению, вынесенному в заголовок книги:

«Историческая реальность возникает только тогда, когда прошлого больше не существует. До тех пор, пока существовало прошлое, оно было реальностью. Когда историки начинают писать о том, что с их точки (точек) зрения является прошлым, прошлого больше не существует. Не существует такого понятия, как “прошлая реальность”. Но если мы определим реальность как то, что является неизбежным оселком [*touchstone*] всех наших знаний о реальности, то все наши многообразные репрезентации прошлого, настоящего и будущего и нескончаемые споры о них будут удовлетворять этому определению (исторической) реальности» (р. 9).

Вторая оппозиция, так же, согласно Анкерсмицу, имеющая корни в традиции немецкого историзма, призвана по большей части различить единичные истинные утверждения о прошлых положениях дел (они, будучи результатами конкретных исследований, традиционно неинтересны Анкерсмицу, поскольку, в отличие от второго элемента этой пары (историческое письмо), не порождают семантико-эпистемологических проблем, связанных с истинностным значением и референцией) и то, что образуется путем их соединения – собственно исторические репрезентации (примем здесь и далее сокращение, используемое автором в книге – HR), или, как ранее Анкерсмит именовал именно этот элемент своей теории, нарративные субстанции. Историческая реальность – элемент рассмотренной выше первой оппозиции – по сути представляет из себя множество всех возможных HR, которые были и будут реализованы.

Идея о специфичности взаимодействия единичных утверждений и их коллигаций – HR – также осталась неизменной со времен «Нарративной логики»: единичные утверждения, составляющие HR, с одной стороны, осуществляют референцию к прошлым положениям дел, с другой – идентифицируют конкретную HR, или, переводя данный тезис в метафизическую

ВАДИМ САЛИЕВ
МОНАДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

топику⁷, являются свойствами HR как вещей. Таким образом, идентифицируя некоторую HR через входящее в нее предложение «s», правильным будет указание не на само предложение «s», а на метапредложение «HR есть s» (р. 17). И этот аспект оказывается принципиально важным: наличие в составе разных HR двух одинаковых предложений не приводит к возникновению общего свойства и позволяет, как кажется Анкерсмицу, избежать проблемы универсалий.

Вторая глава погружает прежде нелейбницианские преми-сы в русло лейбницианской метафизики. С точки зрения Лейбница, вещам соответствуют их полные понятия, которые содержат в себе все предикаты конкретной вещи в каждый момент ее существования. В этом смысле любые истинные утверждения о вещах оказываются, выражаясь посткантовским языком, аналитическими: понятие предиката уже содержится в понятии субъекта и может быть дедуцировано из него. Из этих двух принципов – принципа предиката в субъекте и принципа полного понятия – следуют редукционистская позиция Лейбница в отношении реляционных утверждений (то есть утверждений об отношениях, которые имеют более, чем одного, субъекта), а также определенная форма номинализма. Подобные логические послылки имеют у Лейбница метафизические импликации: простые индивидуальные субстанции, то есть монады, имеющие в качестве свойств лишь перцепции – восприятия, опосредованные конкретно определенной точкой зрения, – оказываются «замкнутыми», невосприимчивыми к любого рода причинным воздействиям. Межсубстанциальная причинность оказывается невозможной. При этом монады воспринимают весь монадический универсум (то есть другие монады и их восприятия) со своей точки зрения, и их перцепции согласованы; подобное – как кажется, внешнее – аффицирование объясняется принципом предустановленной гармонии, которую обеспечивает Бог: именно в божественном разуме монады предстают как полные понятия.

Этот ограниченный, но фундаментальный пласт лейбницианской метафизики заимствует Анкерсмит. HR занимают место монад, обеспечивая первичный уровень исторической реальности. Все, что «воспринимают» HR, оказывается лишь другой частью исторической реальности, состоящей из HR (р. 32). Вводя параллелизм между HR и монадами, Анкерсмит, обеспечивает своего рода ноуменальный, хотя и не в кантовском смысле, уровень реальности. Однако подлинным новшеством данной

7 Такая операция, впрочем, в некотором смысле противоречит логике книги: одной из важнейших послылок в текущей работе Анкерсмита является отказ от дробления метафизической реальности на «язык» и «мир» – все логические максимы относительно языка оказываются также метафизическими основаниями для «мира вещей».

книги по отношению к предыдущим работам является расширение схемы до феноменального уровня – помимо собственно монад и их перцепций, Анкерсмит заимствует у Лейбница понятие «хорошо обоснованных феноменов» (*phaenomena bene fundata* – PBF, так же сохраним далее авторское сокращение). Регион PBF у Лейбница связан, с одной стороны, с тем, каким образом монады воспринимают весь остальной монадический универсум, с другой – не сводится к самим перцепциям: перцепции представляют из себя простые состояния монады и их модификации, тогда как на уровне PBF из перцепций конституируются своего рода интенциональные объекты, воспринимаемые разумом и образующие привычный всем мир, состоящий из протяженных тел (р. 37–39).

И хотя на этом этапе существует риск связать понятие исторических PBF, являющееся новым для Анкерсмита, с ранее обособленными в его творчестве концептуализациями опыта историка, подобное обобщение может оказаться преждевременным. При обсуждении PBF Анкерсмит отнюдь не прибегает ни к менталистским, ни к феноменилистским (хотя сам термин PBF благоволил к подобной интерпретации) рамкам.

Монады воспринимают весь монадический универсум со своей точки зрения, и их перцепции согласованы; подобное аффицирование объясняется принципом предустановленной гармонии, которую обеспечивает Бог: именно в божественном разуме монады предстают как полные понятия.

Гораздо более любопытными в контексте обсуждения PBF оказываются нерегулярные ссылки на введенное Уилфридом Селларсом «логическое пространство разумных оснований» (р. 6, 179, 257) – именно его аналог в исторической топике, следуя Анкерсмицу, конституируют PBF. Селларс говорит про это так:

«Определяя некий эпизод или состояние как знание, мы не даем эмпирического описания этого эпизода или состояния, а помещаем его в логическое пространство разумных оснований, то есть в пространство обоснования и способности обосновывать то, что мы говорим»⁸.

И это именно та концептуальная рамка, в которой Анкерсмит стремится лоцировать PBF – те интересующие «эле-

⁸ Селларс У. *Эмпиризм и философия сознания*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 102.

менты», соответствующие определенной области универсума HR, которые способны участвовать в процессе вывода (в широком смысле): обоснования убеждений, быть составными частями исторических аргументов, являющихся концептуальными условиями для любых дискуссий об HR – дебатов, споров, полемик:

«Область исторических PBF – и, как мы увидим, исторического знания – рождается из [...] встреч HR в форме взаимодействия между моделями PBE, которые они влекут за собой. Каждая HR всегда предстает, так сказать, “вживую” в облике своих PBF и моделей. Они не могут взаимодействовать на своем собственном уровне, но на уровне PBF могут и взаимодействуют» (р. 99).

Третья глава связана с традиционным для Анкерсмита обсуждением HR как строго индивидуальных субстанций. При этом новым для автора оказывается проблемное поле, в которое он погружает понятие индивидуальности: оппозиция между интенционализмом и экстенционализмом. Для начала Анкерсмит вновь наследует историцистской интуиции (выраженной особенно ярко в прочтении историзма Фридрихом Майнеке), в соответствии с которой «история – это наука об индивидуальном, в то время как естественные науки предпочитают иметь дело с универсальным» (р. 62). Подобный тезис о строго индивидуальной природе исторических объектов далее помещается в контекст метафизики свойств и проблемы универсалий. Собеседниками и объектами критики Анкерсмита становятся Готлоб Фреге, Бертран Рассел, Уиллард Ван Орман Куайн и Питер Стросон, а в их лице – аналитическая философия языка в целом.

Наиболее иллюстративным представляется несогласие Анкерсмита с Расселом. С точки зрения Рассела, для корректного анализа утверждений о единичных определенных объектах (то есть об индивидах) они должны быть переформулированы в утверждения о переменной, связанной квантором существования, которая удовлетворяет одной или несколькими пропозициональным функциям, соответствующим определенным дескрипциям, причем любой другой объект, удовлетворяющий тем же пропозициональным функциям, тождествен этой переменной. Например, утверждение «Платон стар» должно быть интерпретировано как «найдется такой “х”, для которого истинно, что он является (1) “учеником Сократа, учителем Аристотеля”, и истинно, что он (2) “старый” и для всех “у”, которые являются (1) и (2), истинно, что $x=y$ ». В дальнейшем Куайн в рамках своего онтологического проекта предложил отказаться от рассмотрения имен как скрытых дескрипций и воспринимать их как предикаты.

Анкерсмит видит в подобном подходе к определению индивидуи растворение последнего в универсалиях:

ВАДИМ САЛИЕВ
МОНАДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

«Стратегия Рассела... заключается в том, чтобы очистить субъектный термин предложения от всего содержания и перенести это содержание в предикатную часть предложения, заменив субъектные термины кванторами [с переменной]. [...] Результатом стало то, что понятие субъекта в высказываниях, которое мы обычно рассматриваем как надежное пристанище, символ или выражение индивидуальности, полностью растворилось в универсалистских предикатных терминах. Только переменные квантификации все еще напоминают нам о том, что он когда-то здесь был. Это полный триумф универсального над индивидуальным» (р. 71).

Индивиды, постулируемые, с одной стороны, естественными науками, с другой – поддерживаемые философией языка, следуя Анкерсмицу, являются «слабыми», поскольку в них происходит своего рода универсалистская утечка: индивиды полагаются как состоящие из инстанциаций универсалий⁹. По Анкерсмицу, в подобном случае происходит подмена понятия индивидуальности уникальностью. «Слабым» индивидам автор противопоставляет «сильных» – монады и HR, свойства которых строго индивидуальны для каждой конкретной HR и не образуют универсалий. Любопытно, что Анкерсмит не пытается излагать свои взгляды на языке дебатов, практикуемых внутри современной метафизики, хотя оговаривается в нескольких сносках, что отстаиваемый им взгляд – одна из вариаций теории тропов¹⁰ (р. 34, 78). Далее, «сильные» и «слабые» индивиды оказываются онтологическим фундаментом в противостоянии двух метафизических программ – интенционализма и экстенционализма (чему главным образом посвящен эпилог рассматриваемой книги). Не углубляясь на данном этапе в мысль Анкерсмица, стоит лишь отметить, что он понимает интенционализм и экстенционализм отнюдь не традиционно – формально-семантически (как понимали их Фреге, Рассел, Карнап, Куайн и другие), но метафизически (или, следуя Анкерсмицу более точно, следует сказать, что принятие семантического варианта интенционализма или экстенционализма создает для принявшего определенные обязательства в области метафизики).

- 9** Анализ Анкерсмица здесь, возможно, является не совсем точным, поскольку вряд ли существует столь однозначная связь между принятием теории дескрипций и включением в онтологию свойств или предикатов, понятых универсалистски. Например, подобные претензии отнюдь не актуальны применительно к Куайну (Анкерсмит настойчиво упоминает его в связке с Расселом), который, принимая теорию дескрипций, был эксплицитным номиналистом и не считал, что предикаты/универсалии сами по себе создают онтологические обязательства (что, впрочем, не мешало ему включать в онтологию абстрактные объекты вроде чисел или множеств, отстаивая при этом тезис об уникальности существования).
- 10** Речь идет о группе теорий в аналитической метафизике, которых не следует путать с тропами в риторике и теории литературы.

В этом же контексте Анкерсмит предпринимает попытку защитить тезис о сходстве между двумя революциями, произошедшими примерно в одно время: произведенной Хлодениусом – в области исторического письма, и Ньютоном – в области естественных наук. Согласно автору, Ньютон имплицитно и дальнейшая естественно-научная традиция эксплицитно подорвали бытовавшее ранее представление о том, что абстрактное математическое исчисление является моделью некоторого эмпирического содержания: отныне, наоборот, некоторые множества эмпирических содержаний будут полагаться моделями абстрактного исчисления. Подобным образом Хлодениус, определяя продукт, производимый историком, уже не в качестве буквального отражения прошлого, а как *Bild* – образ, опосредованный перспективой и определенной психологической метаморфозой, – устраняет эмпирическое прошлое в качестве модели, замещая его аналогом абстрактного исчисления – HR. Моделями же для HR становятся PBF как своего рода феноменальные «эмпирические» содержания прошлого:

«Структурное сходство [...] будет очевидно любому. В каждом из этих [...] случаев внимание к явлениям временно прерывается движением к чистой абстракции. Во всех случаях это движение – [...] уход в чистую абстракцию – делается для того, чтобы обеспечить самый смелый и долгий рывок вперед в области (эмпирических) явлений» (р. 107).

Индивиды, постулируемые, с одной стороны, естественными науками, с другой – поддерживаемые философией языка, являются «слабыми», поскольку в них происходит своего рода универалистская утечка: индивиды полагаются как состоящие из инстанций универсалий.

Четвертая глава призвана рассмотреть семантические проблемы, возникающие при подходе к HR как к знакам, – прежде всего проблемы значения и реляционных утверждений. Анкерсмит начинает с рассмотрения двух теорий репрезентации – подобия и замещения. Однако, что определенно является еще одним новшеством книги, он не отдает предпочтения ни одной из них (в предыдущих работах он эксплицитно отстаивал теорию замещения). Автор предполагает, что при рассмотрении HR в качестве монад репрезентация и репрезентируемое тождественны: монады являются тем, что они репрезентируют. В этом смысле у монад и у HR как знаков нет значения, от-

личного от самого знака (наиболее близкой аналогией, которую приводит и сам Анкерсмит, являются числа или буквы). Однако значение HR может образовываться через референцию к соответствующим им PBF:

ВАДИМ САЛИЕВ
МОНАДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

«В противоположность тому, что было только что сказано, можно согласиться с фразой “что HR имеют значения [*meanings*]”, но только при том важном условии, что “иметь значение” здесь следует понимать референциально. То есть “HR” отсылает к значению, а не имеет его; будучи знаками, они сами по себе бессмысленны [*meaningless*]» (p. 124)¹¹.

На уровне PBF также решается проблема реляционных утверждений. Напомним, что, согласно Лейбницу, одна и та же акциденция не может находиться в двух субстанциях, – что приводит к необходимости редукции утверждений об отношениях, содержащих более, чем одного, субъекта и двухместный предикат, к утверждениям в субъектно-предикатной форме с одноместным предикатом (механизм подобного перевода создавал трудности для интерпретаторов Лейбница). В более общем смысле это предполагает перевод утверждений о физической реальности (феноменов) в утверждения о метафизической реальности (монад). Следуя Анкерсмицу, в исторической метафизике подобная проблема делает невозможными любого рода утверждения, допускающие двухместные предикаты при сравнении HR. Анкерсмит находит решение, предполагая, во-первых, знакомый по «Нарративной логике» критерий охвата (*scope*) как один из критериев успешности HR (в данном случае, охвата определенной области PBF); во-вторых, постулируя метаязык, позволяющий говорить об HR и содержащих их PBF как об объектах. Реляционное утверждение о том, что одна HR при прочих равных лучше другой, будет сводиться к серии нереляционных утверждений о том, какой объем PBF охватывает каждая из HR (p. 170, 171)¹².

Заключительная глава, сильно напоминающая таковую в «Нарративной логике», посвящена тому, что Анкерсмит называет «исторической рациональностью» – правилам, критериям, нормативным механикам, которые имплицитно предполагаются ис-

11 Судя по всему, обсуждение проблемы значения, излагаемое здесь Анкерсмитом с сильным смещением чисто семантического аппарата и практически эзотерического обращения к ранее сконструированной метафизической схеме, скрыто вращается вокруг *meaning/use* дистинкции и проблемы значения выражений при цитации (или по крайней мере может быть переведено в подобную более строгую плоскость). В ходе использования (*use*) HR имеют значения или осуществляют референцию к PBF (*de re*), однако в ходе упоминания (*mention*) HR и их перехода в статус знаков (*de dicto*), Анкерсмит отстаивает позицию, близкую к: *The Identity Theory of Quotation*. # 3.5 (<https://plato.stanford.edu/entries/quotation/#IdenTheoQuotBettUseTheoQuot>).

12 Похожее решение применительно к переводу утверждений о пространственных свойствах вещей в утверждения о порядке вложенности восприятий монад можно найти в: SELLARS W., AMARAL P. (Eds.). *Kant and Pre-Kantian Themes: Lectures by Wilfrid Sellars*. Atascadero: Ridgeview Publishing Company, 2002. P. 257–260.

ториками при создании и оценке разных HR, а также обеспечивают рост исторического знания.

Начиная с рассмотрения условий роста исторического знания, Анкерсмит предлагает несколько принципов, поиск золотой середины между которыми, с одной стороны, направляет деятельность историка при создании HR, с другой, подразумевается при сравнении и оценке HR. Главным образом это уже знакомый критерий охвата. Наиболее успешные HR стремятся, согласно Анкерсмицу, объяснить, или охватить, наибольшую область PBF. Однако охват может быть понят двояко: как чисто фактуальный – наибольшего количества деталей, коллапсирующий в хаотический набор информации, и как чрезмерно упорядочивающий – избегающий деталей. Столкновение принципов «меньше значит больше» и «больше значит лучше» – первый случай, когда историк вынужден искать оптимум (р. 187, 188).

Однако золотая середина также должна быть найдена между стремлением историка революционизировать историческое письмо – то есть создавать наиболее смелые, контринтуитивные HR – и требованием к согласованности и непротиворечивости исторической реальности. Связь между этими двумя золотыми серединами обнаруживается через аналогию с фальсификационизмом Поппера: эмпирическое содержание теории тем больше, чем больше тех положений дел, которые она запрещает (чем больше класс подразумеваемых фальсификатов). В противном случае утверждения теории, которая ничего не запрещает, состояли бы из простых трюизмов («дождь или пойдет, или не пойдет»), тогда как запрещение некоторых положений дел является обратной стороной информативных, позитивных и подверженных фальсификации утверждений, которые образуют эмпирическое содержание теории («дождь пойдет», следовательно, запрещено такое положение дел, как «дождь не пойдет»). Подобным образом работает и критерий охвата – с тем лишь различием, что вместо положений дел HR будут «запрещать» и, таким образом, подразумевать (охватывать) некоторую область PBF – старые историографические традиции, интерпретативные стратегии, концептуальные рамки (р. 194–196).

При этом историческая рациональность не исчерпывается критерием охвата. Уже в «Возвышенном историческом опыте» Анкерсмит упоминал (в другом понятийном контексте) близость математической операции дифференцирования, открытой Лейбницем параллельно с Ньютоном, деятельности историка при создании репрезентации. Он развивает эту аналогию в рецензируемой работе, и контуры исторического дифференцирования становятся здесь более определенными: историк,

уподобленный лейбницианскому Богу, предполагает при создании HR/монады ее *lex seriei*¹³ закон ряда (следуя Анкерсмиту, предлагаемый Лейбницем метафизической аналог математической функции) – закон, в соответствии с которым обеспечен порядок высказываний в HR (порядок изменения перцепций монад).

ВАДИМ САЛИЕВ
МОНАДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Утверждения теории, которая ничего не запрещает, состояли бы из простых трюизмов, тогда как запрещение некоторых положений дел является обратной стороной информативных, позитивных и подверженных фальсификации утверждений, которые образуют эмпирическое содержание теории.

Будучи аналогом функции в математическом смысле, *lex seriei* может быть рассмотрен как функция от порядка множества PBF некоторой HR, создаваемой историком, к их значимости, и деятельность историка будет сводиться к своеобразной неформальной операции дифференцирования: нахождению точек экстремума, максимумов и минимумов функции (р. 212, 213). Своеобразие такой математической аналогии раскрывается в противопоставлении лейбницианского дифференцирования и графика подобных (нелинейных) функций, представленного кривой, «картезианской прямой» – линейной функции, нахождение точек экстремума для которой невозможно и историческим аналогом которой могла бы быть деятельность историка как слепого хроникера, пассивно регистрирующего входящий набор событий.

Книга завершается эпилогом, который полагается Анкерсмитом как некая рамка, резюмирующая противостояние двух больших метафизических проектов – интенционализма и экстенционализма. В отечественной традиции оппозиции интенционал–экстенционал примерно соответствует оппозиция между содержанием и объемом понятия. При этом интенционализм и

13 При каждом упоминании Анкерсмит настаивает на варианте *lex series*, что, вероятно, является ошибкой или опечаткой. Грамматически *lex* должен быть согласован с *series* в генетиве – *seriei*. Лейбниц в переписке с де Вольдером употребляет данное выражение именно в таком виде: «Ego non dico seriem esse successionem, sed successionem esse seriem et habere hoc aliis seriebus commune, ut *lex seriei* ostendat quorsum in ea progrediendi debeat perveniri seu ut posito initio et lege progressus termini ordine prodeant sive sit ordo aut prioritas naturae tantum sive temporis quoque» (*курсив мой.* – В. С.). «Я не говорю, что ряд – это следование, но говорю, что следование – это ряд и он имеет с другими рядами то общее, что закон ряда [*lex seriei*] должен показывать, куда в нем [в ряду] должно прийти посредством продвижения или что при данном начале и законе продвижения [*lege progressus*] члены ряда должны упорядоченно появляться, будь то порядок или первенство только по природе или также по времени» (XXIX. *Leibniz an de Volder // GERHARDT C.I. (Hg.). Die philosophischen Schriften von G.W. Leibniz.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1879. Bd. II. P. 264).

экстенционализм в форме имен собственных, как правило, дифференцируют, проводя различие между экстенциональными и интенциональными контекстами. Характеристика первых состоит в том, что они позволяют взаимозаменять коэкстенциональные выражения (корреферентные индивидуальные термины, коэкстенциональные предикаты, ковалентные предложения) с сохранением истинностного значения всего выражения-контекста (*salva veritate*). Характеристикой вторых является то, что такая замена приведет к изменению истинностного значения.

В представлении Анкерсмита экстенционализм и интенционализм превращаются из чисто логико-семантических категорий в две противостоящие, но взаимодополняющие друг друга метафизические программы: экстенционализм оказывается актуальным при утверждениях о феноменально-данных наблюдателю положениях дел, о мире в том виде, в котором он открывается как некоторое целое (в области исторической метафизики этой области соответствует регион PBF), при этом экстенционалистская онтология обеспечена исключительно «слабыми» индивидами. Теории истины, соответствующие экстенционалистскому проекту, оказываются, согласно Анкерсмицу, вариациями корреспондентной теории (р. 229).

Напротив, интенционалистский проект конституируется на уровне онтологии «сильными» индивидами, парадигмальным примером которых являются HR, и не допускает корреспондентной теории истины, или, расширяя здесь мысль Анкерсмита, любого рода двухвалентной логики. Быть истинным отныне означает обладать определенной степенью истинности или реальности (р. 230). Введение понятия степени Анкерсмитом здесь аналогично тому, как Лейбниц различает монады по степени ясности их перцепций – репрезентаций остальной части монадологического универсума, что имеет свой семантический аналог в том, насколько «богат» интенционал (HR) – насколько высока его гранулярность или степень «детализации» (р. 227).

В заключительной части эпилога Анкерсмит уточняет свою «интенционалистскую метафизику» эксплицитной поддержкой пучковой теории тропов (все, что представляет из себя объект, – это пучок строго индивидуальных свойств-тропов, не требующий какого-либо субстрата, отличного от пучка, р. 240), а также повторяет осуществленную в предыдущих работах атаку на скептические возражения Дональда Дэвидсона против тезиса о несоизмеримости концептуальных схем (р. 253, 269, 274).

Представленное выше тезисное изложение позволит знакомому с творчеством Анкерсмита читателю обнаружить, что содержание книги во многом представляет собой реинтерпретацию в первую очередь «Нарративной логики», осуществлен-

ную в лейбницианской рамке. Обращение к Лейбницу местами оказывается настолько активным, что книга перестает читаться как часть философского-исторического корпуса работ Анкерсмита и начинает восприниматься в качестве монографического исследования о Лейбнице. Вполне возможно, автор так и задумал – на это есть несколько указаний в книге (хотя Анкерсмит и допускает, что в его прочтении возможны интерпретационные неточности, вряд ли допустимые в строгом историко-философском исследовании, р. 13, 217)¹⁴. При этом Анкерсмит призывает воспринимать оппозицию между интенционализмом и экстенционализмом как фон, на котором должны прочитываться лейбницианские мотивы «Репрезентации...». И как представляется, именно это обстоятельство демонстрирует узкие места рецензируемой работы: аналитический язык и стиль Анкерсмита – вкупе с менее традиционным, чем ранее, обращением с логико-семантическим аппаратом – местами сильно контрастирует с нарочито скрупулезным конструированием громоздкой метафизической схемы, некоторые элементы которой не выглядят необходимыми следствиями каких-либо интуиций относительно природы исторического письма.

ВАДИМ САЛИЕВ
МОНАДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

14 Интересно, что в одной из сносок мы находим прямое указание на то, что такая «персонализированная» линия исследований будет продолжена. Речь там идет о другом источнике вдохновения Анкерсмита – Питере Мунце (автор приводит даже предварительный заголовок «Peter Munz's Evolutionist Philosophy of History and the Anthropocene», р. 138).